

вліяніемъ того чувства, какое возбуждено въ нась; она дѣлаетъ нась не своими, ненормальными, особенными людьми. „Крейцерова соната“ околдовала Позднышева. Ревность его утихла подъ обояніемъ мимолетнаго, несвойственнаго ему чувства любви иуваженія ко всѣмъ — къ женѣ, Трухачевскому и къ гостямъ.

Успокоило Позднышева и самое положеніе обстоятельствъ: ему надо былоѣхать въ уѣздъ по служебнымъ дѣламъ, а въ уѣздѣ онъ думалъ пробыть столько времени, сколько музыкантъ хотѣлъ еще оставаться въ городѣ. Можно ли отдохнуться болѣе легко и ловко отъ непріятнаго гостя?

Бодро и весело отправлялся Позднышевъ въ провинцію. Музыкантъ, его фигура, жена, ея молодость — все это стушевалось. Къ тому же въ уѣздѣ оказалось прощать дѣла. Но вотъ отъ жены письмо, гдѣ она сообщаєтъ, между прочимъ, какъ о вещи самой обыкновенной, о томъ, что у нихъ былъ Трухачевскій. Устроивъ нѣсколько дѣла, Позднышевъ занялся письмомъ. Нѣсколькихъ строкъ было достаточно, чтобы бѣшеный звѣрь ревности опять зарычалъ въ своей конурѣ и захотѣлъ выскочить. Все спокойствіе „пошло къ чорту“. Мысль о Трухачевскомъ, о красивой женѣ, объ ихъ разговорахъ, игрѣ, какъ камнемъ, сдавила его бѣдную голову. Проснулся и другой голосъ, онъ утверждалъ, что *ничего нѣтъ* и быть не можетъ, что все это вздоръ. Но голосъ ревности былъ сильнѣе. Только вспомнить Позднышевъ о красныхъ губахъ музыканта, о томъ, что тотъ не женатъ, здоровъ и недуренъ, — и все другое скрывается въ туманѣ, а въ опьяненной головѣ блуждаетъ одна мысль: „знаю ее только какъ животное. А животное ничто не можетъ, не должно удержать“. И рисуются ему въ этомъ туманѣ ихъ загадочные взгляды, которыми они перебрасывались, не стѣсняясь мужемъ, чуть замѣтныя улыбки... Оставаться далѣе въ напряженномъ состояніи неизвѣстности было невозможно. Такъ или иначе, падо, наконецъ, кончить. Онъ наскоcо собрался и поѣхалъ. Ясное осеннеe утро, свѣжій воздухъ, столбовая дорога, ямщикъ — все это нѣсколько развлекло его, да не надолго: на-попутѣ довелось пересѣсть въ вагонъ. Вѣроятно оттого, что желѣзная дорога своимъ быстрымъ ходомъ сразу напомнила ему о цѣли его поѣздки, о томъ, что онъ